

Ольга Сульчинская

Волчок

Ольга Сульчинская

Волчок

Москва

«Воймега»

2013

УДК 821.161.1-1 Сульчинская
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
С89

О. Сульчинская
С89 Волчок. — М.: Воймега, 2013. — 84 с.

ISBN 978-5-7640-0134-0

© О. Сульчинская, текст, 2013
© С. Труханов, оформление, 2013
© «Воймега», 2013

Несколько слов от автора

Нечто нечеловеческое мне не чуждо...

К. М.

Детские присказки и считалки скрывают в себе обломки древних ритуалов. Вытесненные из «верхней» культуры, они остались в культуре низовой, устной, детской. Впервые я услышала об этом много лет назад от одной фольклористки. Она ещё упоминала присказку «Сиди-сиди, Яша, под ореховым кустом, грызи-грызи, Яша, орешки калёные». В этой игре Яша выбирает себе невесту, верней, пытается её поймать. Но когда-то не было невинного Яши. Вместо него был Ящер, древний языческий бог, владыка подземного царства. И, как мы уже начали догадываться, речь шла о человеческих жертвоприношениях.

Тогда-то и шевельнулось во мне смутное чувство, похожее на догадку и воспоминание одновременно. Детство тянется к свету, но оно очень близко к земле — в том числе физически, в силу своего малого роста (вспомнить хоть запах сырого песка, когда он ещё был таким сильным). Сознание ребёнка не вполне различает сон и явь и легко переходит границу между ними. И вот парадокс: едва явившись на свет, ещё не став в полном смысле отдельными людьми, мы тотчас получаем в наследство всеобщую, самую глубокую и порой страшную память. Может быть, не так уж напрасно дети боятся темноты. Если и не сама она населена чудовищами, то детское воображение. Причём — взаправду. Но где чудовища, там и чудеса, там не только страх, но и сила, и оттуда доносится завораживающий, могучий зов. ...И тогда я стала прислушиваться и вспоминать.

Теперь вы знаете, с чего начались собранные здесь стихи. Мне осталось сделать только несколько пояснений.

Орестань — этот таинственный и грустный город из припевок моего детства в некоторых вариантах звучит как понятная

Рязань. Кое-кто даже спорил со мной, утверждая, что «так правильно». Но в фольклоре нет «правильного». Есть только варианты. Поскольку каждый поющий сам себе и автор, и канон. И я слышала именно так — Орестань.

Хигганум имеет реальный прообраз — маленький посёлок Higganum в часе езды от города New Haven (что в переводе значит «Новый приют») в Новой Англии, и там действительно живут скунсы и олени. Олени не боятся людей и часто подходят к домам, а иногда подолгу лежат на стриженных лужайках, поскольку заборы там отсутствуют. Но всего этого можно было бы и не говорить, потому что мой Хигганум — удалённый во времени и пространстве личный миф о золотом веке, и значение его — символическое, а вовсе не географическое.

Какэмоно — вертикальный живописный свиток из бумаги или шелка.

Хиросигэ Утагава — сын самурая, путешественник, знаменитый мастер пейзажа.

Кицунэ — «лиса» по-японски. В японских поверьях кицунэ мудрая, очень долго живёт и со временем обретает магические способности, одна из которых позволяет ей оборачиваться молодой красавицей. Впрочем, иногда кицунэ предпочитает принимать облик старика...

Да, и ещё: это всё-таки не книга о детстве. Заметить это нетрудно: здесь есть и то, что принято называть «любовной лирикой», и то, что я про себя называю «песнями старости». Объединяет их (во всяком случае, я надеюсь, что это так) не столько логика, сколько музыка. Но если уж необходимо какое-то «о», то это, скорее, книга о границах — и о сумеречных областях перехода.

О. С.

Волчок

Волчок

Не ложися на бочок,
Придёт серенький волчок...
Колыбельная

Кто в ночи крутил волчок
Многоглазый, крутобокий?
Утащил меня волчок
В тёмный лес и в сон глубокий.

Долог, долог волчий бег.
И ночлег ему неведом.
Вьётся, вьётся лёгкий снег.
Только снег за нами следом.

В спальне ходит сквознячок.
Сладко-сладко спится маме.
И вращается волчок
Бесконечными крутами.

* * *

Ночь за стеной,
над крышей,
за окном.
Такой же точно
ночью
полон дом.
Душа моя,
не так же ль ты видна
самой себе
с той стороны окна?

Охота

Нелепый зверь выбегающий на ловца
Не успевает улыбку убрать с лица
И попадает с размаху в чужие сети

Тарелки дымятся все садятся за стол
С хозяйкой дома сам господин посол
В наказание заперты в детской скребутся дети

Никто не слышит а ветер колышет бор
Мыши выводят ночь из подземных нор
Дети уснули у них впереди дорога

Спокойной ночи уже не придут сказать
Милая бабушка поздно носки вязать
Мы уходим на поиск Единорога

Правила

Надо быть тихим и хитрым,
чтобы поймать пугливую душу птицы.

Надо быть нежным и робким,
чтобы подманить любопытную душу зверя.

Надо быть холодным и гладким,
чтобы выскользнуть из опытных рук ловца.

Перед сном

Медвежонок-старичок
Надевает колпачок
И по лестнице скрипучей
Залезает на окно.
Месяц прячется за тучей,
И поэтому темно.

Мы играем, я вожу:
Тучу взглядом отвожу,
В сторону отодвигаю.
Медвежонок смотрит вниз,
Там на улице зажглись
Фонари, я помогаю
Им гореть, и светлячок
Дышит, если я моргаю.

Туча в сторону сошла,
И, пока нейдёт другая,
Даль высокая светла.
Мама в комнату зашла:
— Спишь, мой сладкий? Доброй ночи!
Месяц водит по ковру...
— Мам, а правда я умру?
— Только если сам захочешь.

* * *

Эта плоть обитаема мною
На недолгий, но праздничный срок,
Что играю я с жизнью земною
И учу свой последний урок.

Я люблю наше тайное сходство,
Я весёлую память коплю,
Но однажды своё превосходство
Я ценою сиротства куплю.

* * *

Иди куда хочешь!
Куда ни гляди —
Всё перед глазами
Дорога до края земли впереди
Да клевер низами.

Головокружительно
Полдень жужжит —
И пахнет цветами —
И круглое синее небо лежит
Повсюду над нами.

* * *

Тут небо, видишь, сразу за сараем
И ближе даже, чем ограда сада.
И мы себе живём и умираем
Под этим небом, будто так и надо.

Душа своё справляет новоселье,
Как будто ей принадлежит по праву
И облаков закатное веселье,
И горних звёзд немеркнущая слава.

Песня о воде

Вода, по камешкам шурша,
Бежит, вода живёт везде.
Обоеполая душа
Переливается в воде.

В узлах корней земную тьму
Узнав, листвою на свет бежит.
Ко всем нежна — и никому
На свете не принадлежит.

Вода построила меня.
Вглядись — и ты увидишь сам:
Там время, каплями звеня,
По водяным идёт часам

И тела розовым корням
Читает сумрачные дни,
И, торопясь, бежит по дням,
Пока не кончатся они.

Орестань

Дождик, дождик, перестань,
Я уеду в Орестань,
Я у Бога сирота...
Детская притевка

Огороды, побитые градом, ограды — и город
Начинается сразу же через четыре шага.
Над колодцем скрипит-распеваает медлительный ворот,
И большая корова к земле наклоняет рога.

Чья-то мелкая живность бежит по деталям пейзажа.
Чья-то дохлая радость пасётся в намокшей пыли.
Горожанки твои на домах намалёваны сажей
Или в небе висят, не касаясь ногами земли.

О, провинция детства! Тоска промежуточных станций!
О, засиженный мухами вечных окон переплёт.
О, мой милый, мой детский — сиротский —
сырой — арестантский,
Никуда не уехать! И дождик идёт и идёт.

Неприсвоенное

Жизни шаткая основа —
Нежный звук, едва живой,
Тихо сказанное слово,
Не присвоенное мной.

Неприсвоенное право
Время жизни коротать,
Неизбывная забава —
Потихоньку бормотать.

* * *

Дикой травой зарастает взгорье.
Дождь закипает у неба в горле
И проливается горьким плачем —

В детстве бывает такое горе:
Больше, чем повод к нему. И вскоре
Так же стихает. По дальним дачам

Гром напоследок проходит густо
И умолкает. И снова пусто:
Небо — ни облачка в нём, ни вдоха.

В общем, всё это ничуть не грустно.
Будет лучше расти капуста!
Да и грибов поискать неплохо...

Без оправданья

Я живу без оправданья,
Без надежды на спасенье.
Несуразное создание,
Неудачное творенье.

Но на завтрак есть варенье.
Это — славное питанье!
И у нас на воскресенье
Намечается гулянье.

Этот взгляд на мирозданье
Улучшает настроенье.

Ригодон

Помню танец ригодон,
Что за чудное название!
То ли песня, то ли стон,
Фортепьянное терзанье.

Ну-ка, плечи не сутуль!
Локти выше! Спину прямо!
Пыточный вертлявый стул.
Ноги ровно! Это — гамма?!

Музыкальный педагог
На беду мою соседка.
Мне даёт она урок
Раз в неделю. *Слишком редко!*

Раз в неделю, плачь не плачь,
Ригодон мне хуже смерти.
Музыкальный мой палач
Неустанен и усерден.

Упражняйся. Не филонь.
Чёртов танец распроклятый.
Растяни сильнее ладонь!
Первый-пятый, первый-пятый!

А сосед у нас алкаш,
Каждый день приходит пьяный.
Жадно слушает этаж
Крик и грохот фортепьянный.

Но сегодня тишина.
Тихо как-то, странно как-то.
Я сижу совсем одна.
Три невыученных такта.

Будут щас меня бранить.
Я, конечно, виновата.
В дверь соседскую звонить
Почему-то страшновато...

У меня урока нет!
И не надо, и не надо!
Там повесился сосед.
Стыдно мне, что я так рада.

Нищастье

Аденоидный запах мороза.
Кристаллический голос воды.
Алюми-ниевы-е полозья
Извлекают из снега следы.

Мама тащит меня на верёвке.
Я спиной — и не видно куда.
Люди топчутся у остановки,
А по небу плывут провода.

Жарко, потно в натопленной шубе,
Давит горло задушный крючок.
И у варежки в вязком раструбе
Возникает ручной родничок,

Снег течёт, разъедая запястье.
Снять-нельзя-абсолютный-запрет
И терпи! И *нищастья нищастья*
В этой жизни пока ещё нет.

Снежная королева

В разводах, терниях и розах
Стекло, в законе фонари.
Попробуй мой несладкий воздух
С колючей семечкой внутри.

Хрустящий холод сводит зубы,
А по ночам над головой
Из опрокинутой посуды
Стекает космос неживой.

Попробуй выживи, а вдруг ты
Из тех, кто может без вреда
Грызть обмороженные фрукты,
В которых прячется вода?

Зверь

Это мне-то знать своё место?
Это мне-то вести себя прилично?
Это мне-то, кто дышит небом?
Это мне, кто живёт короче,
Чем соринку смаргивает веко?

Это меня-то — посадить на цепочку??

Меня? Дивного зверя
С тяжёлыми лапами,
С широкими крыльями,
С влажными глазами
И синей шерстью!..

Деревья

Большие деревья приходят впотьмах
И дом поднимают своими ветвями.
Но мы отгорожены крепкими снами
От страха в душе и смятенья в умах.

И дела нам нету, что воды шумят,
Что сучья корябают ветхое днище,
Что в окна плывущего небом жилища
Полночные рыбы печально глядят.

* * *

Никогда нам не вернуться
В эти рощи, в эти кущи,
Эти чащи, эти пущи,
В эти заросли чудес.

Голос мой всё тише, глуше,
А болит всё пуще, пуще.
Никогда нам не вернуться,
Не увидеть этот лес.

— Там, на верхней ветке, солнце?
— Нет, не солнце, это сердце.
Там, на верхней ветке, сердце,
Сердце тёплое поёт...

— Там, на верхней ветке, кто там?
— Никого там, детка, нету.
Где же, где же, где же сердце,
Сердце верное моё?

Никогда нам не вернуться.
Ни за что нам не вернуться.
Отдышаться и очнуться
Не придётся нам уже.

В этот лес — такие чащи.
В этот лес — такие кущи.
В этот лес, в груди растущий.
Этот лес засох в душе.

* * *

Как будто отработаешь оброк,
Отдашь обол, уплатишь десятину —
И разогнёшь натруженную спину,
И поглядишь на меркнувший восток,

Ещё вздохнёшь и, помолившись Богу,
Дождёшься звёзд и тронешься в дорогу.

Но долог день. И нет твоей вины,
Что всё никак не кончится работа.
И странник, выходящий за ворота,
Тебе на миг лишь виден со спины.

Считалочка сомнамбулы

Я считаю рыб, проплывающих надо мною.
Море слабо колышется у меня за спиною.
Раковину запирают с вечера, отмыкают утром.
Вся она изнутри выстлана перламутром.

Но однажды створки распахиваются ночью.
И я вижу небо, о котором мечтала, воочью.
Пролетают бесшумно большие чёрные птицы.
И яркие звёзды иглами входят в мои глазницы.

Песня о начале

Был яблоневый сад
и рядом
над садом небеса
и взглядом
из звёзд любую
запросто достать
там можно было
и рукой подать

Был яблоневый сад
и мы лежали
в траве
и мироздание держали
как акробаты
шар на голове
и пели мы
и наши голоса
свободно поднимались
в небеса

Когда же мы закончили
и встали
и обрели тела
шар вздрогнул и поплыл
на убыль ночь пошла
и время началось
а мы не знали

* * *

В августе воздух нежней — и земля нежней.
Собственная жизнь становится не важней,
Чем паутинный волос, исчезающий в синеве,
Чем единственный голос в сплошь звучащей траве.

Хигганум

Песня о Хиггануме

Я одно только слово твержу:
Хигганум, Хигганум, Хигганум.
И затылком вперёд я хожу,
Потому что гляжу в Хигганум!

Там опоссум гуляет в *лесум*,
На дороге сидит златоглазый скунс,
И олени лежат у твоих дверей,
Хигганум, Хигганум, Хигганум.

Я не знаю дороги туда —
В Хигганум, Хигганум, Хигганум.
И с тех пор миновали года,
Когда мне довелось побывать в Хигганум,

Но куда бы мои ни глядели глаза,
Ты поверь, я гляжу в Хигганум.
И меня если спросишь о рае *земнум*,
Я скажу — поезжай в Хигганум!

* * *

Рыбы в небе там и птицы в море
Каждый вечер яблоко заката
Зрелым солнцем падает в ладони
Каждый полдень поцелуи вьются
Как роса вокруг бабочек цветущих
Каждый час раздвоен многократно
И деревья поднимают ветер
Волен дом
И дали неоглядны
Рыбы в небе там
И пти
Цы
В мо
Ре

* * *

А странно от жизни очнуться в зелёном лесу!
На солнечном склоне, как прежде, полно земляники.
Лиловый репейник прельщает собой стрекозу,
И ветви стригут и роняют бегучие блики.

Как прежде, густая трава покрывает бугор,
И слаще, чем прежде, в овраге цветёт медуница...
Признайся, ты думал, всё это исчезло с тех пор,
Как мы повзрослели, и заново надо родиться,

Чтоб это увидеть?

* * *

В час, когда виноградный закат
Давит пурпур из гроздьев провинций,
На деревьях по-прежнему спят
Невозможно-прекрасные принцы.

Вот и ты... Вострокрылая тень
Режет надвое красные крыши.
Ты сквозь медленногаснущий день
Угасающий голос услышишь —

И проснёшься, узнав. Это мой.
Прикоснись золотыми устами
Мне ко лбу. По дороге домой
Мы упущенный век наверстаем.

Вот и лето — в подоле репей,
На ладони орех и улитка.
Вот и я — улыбаюсь тебе
Слабоумной и нежной улыбкой.

За спиной разрастается сад,
Поднимается *релевый* запах.
Вот и флюгер вернулся назад —
Смотрит в ветреный наш Юго-Запад.

Взявшись за руки, славно бродить!
Длится день, и не минули годы,
И нетрудно себя убедить,
Что на свете всё та же погода.

* * *

Коровий мык и козье мекеке
С холмов доносятся — и моря мерный ропот,
Как вдох и выдох, ходит вдалеке,
Пока душа усваивает опыт
Большого дня — а также наблюдает,
Как облако в кипящем молоке
Узорной пенкой сладко оседает.

За долгий день свершённые пути
Уже с трудом она припоминает.
Здесь хорошо. Куда ещё идти?

Приходят сумерки. Очнувшийся сверчок
Разучивать взялся свой звук перинатальный —
И плавно расширяется зрачок,
Глядящий в небосклон темнокристалльный.

* * *

Древняя земля дика и суха.
Небо забывчиво и молодо. Молоко —
Жирное, пахнет мёдом. У пастуха —
Штаны из холстины и трёхметровый хлыст.

Под дубами вороха листвы. Можно спать.
Просыпаясь, видеть созвездий тяжёлый ход.
Чуять мышь, почёсываться, вздыхать
И даже ухом не вести на свист.

* * *

На сухих холмах пасутся козы.
У них классические позы.
А во дворах благоухают розы.
И вьются лозы
Винограда.

Он не созрел ещё, но скоро
Нальётся сладостным нектаром —
И мы съедим его задаром
Просто потому, что мы вовремя оказались поблизости.

Философия Лисьей бухты

Конспект лекции

...Как известно, данная местность представляет собой прибой.

Как бы застывший,
но приводимый в движение ходьбой.
Что, в свою очередь, ведёт к тому,
что совершенно нельзя побыть одному:
всё время разговариваешь с судьбой.

Рассмотрим пример.

Устремляешься к некой цели,
и вдруг — земля под ногой осыпается от нажима,
ты отшатываешься и, удерживаясь еле-еле
от падения, понимаешь, что видимое — недостижимо,
хотя и близко, но между тобою и им — ущелье,
которое как перелезть, непостижимо.

С другой стороны,
без специальных приготовлений
однажды выходишь на покинутую стоянку,
где находишь полбутылки вина и банку-стеклянку,
из которой выйдет
отличный светильник для полуночных бдений —
ты как раз о таком и мечтал!

Бред совпадений
выворачивает мозги наизнанку,
начинаешь путаться: внутри ли или
снаружи всё же
мысли твои: уж больно они похожи
на эти животрепещущие пейзажи...

И, рассматривая письмена колючек на своей коже,
руки в чёрных разводах очажной сажи,
пытаешься во всём отыскивать смысл и даже
заново создавать его!

И метафоры бытия
рифмуются, множатся.
Чередование дней и ночей
повторяет вдох-выдох,
прибой отзывается им,
всё вздымается и опускается
и затопляет собою «я»,
и наконец ты отчётливо видишь, что мир,
прежде бывший *как будто* твоим,
ныне *уж точно* — ничей.

Неудавшийся завтрак

Изнемогающие от желанья мухи
Слетаются на липкий виноград,
И осы на посадке в каждом ухе,
Как боевые ангелы, гудят —

Не отогнать их. Остаётся сдаться,
Махнуть рукой, вздохнуть и отойти,
Пускай сожрут! И — на море податься,
Шиповник обрывая по пути.

Стоянка у Двух Дубов

Я миновала стоянку у Двух Дубов.
Море внизу издавало однообразный гул.
Он поднимался наверх от берегов,
И сходящий с гор воздух навстречу ему подул —

Уши забило ветром, и голова
Стала как раковина, в которой гудит прибор...
— Когда в этом гуле ты разберёшь слова,
Ты узнаешь, Кто разговаривает с тобой!

Дорога в сумерках

Деревья теряют свои очертанья,
И шарят впотьмах, и не могут найти.
И близкая ночь, словно память страданья,
Встаёт у меня на пути.

С луной невозможно прочесть расстоянье:
Земля то вдали, то вблизи.
Колеблется мир, изменяет сознание,
И сонная осыпь на тропах скользит...

Возле камня

Возле камня еле тёплую золу
Славно палочкой рогатой шевелить.
Ты приходишь не к накрытому столу.
А когда — я не берусь определить.

Ты приходишь не тогда, когда я жду,
Не спасаешь ни в печали, ни в беде.
Небо трогает последнюю грядку,
За которой горы сходятся к воде.

И, ладонью подбородок подперев,
Ты садишься — и не смотришь на меня.
И когда стихает пламя, прогорев,
Слышен треск сырого звёздного огня.

Киммерийский период

С Богом можно говорить повсюду.
Но в некоторых местах Его лучше слышно.
К. М.

1

Где контур облаков, где очертанья гор,
Не различает глаз, обманутый простором.
Раздвинут горизонт. Растрочен кругозор
Стеклянной пустотой, насквозь открытой взорам.

Доступностью такой застигнутый врасплох,
Недоумённый взгляд, лишившийся опоры,
Морочит сам себя. Зато гуляет вздох —
И всё равно ему, где облака, где горы.

2

Тень птицы по спине проходит,
Крылом очерчивая плечи.
Скажи мне, что здесь происходит, —
И может быть, мне станет легче!

Зачем морщинистые складки
Земли я пробую стопою?
Зачем, болезненный и сладкий,
Весь мир держу перед собою,

На кручах тело подставляю
Под письма кустам колючим
И раковину расправляю,
Как свиток, на песке текучем?

Скажи мне! Я не понимаю!
Я переписчик или пропись?
...Плечо минует тень немая —
И чтица переходит пропасть.

Морские камешки

Эти камешки морские
Так прелестны, так влажны.
Но когда они сухие,
То скучны и не нужны.

У подножья Карадага
Пьётся всякое вино,
Но возьмёшь его с собою —
И теряет вкус оно.

Потому-то мы отсюда
Ничего не заберём:
Ни напитка, ни посуды,
Ни того, что мы вдвоём.

Райская осень

Осень в ладонях приносит мёд.
Сладок её тяжкотекущий свет.
Водоросли на седых камнях источают йод,
Заживляющий раны. Куст
На склоне кричит: «Горим!»
Море немолчно бьёт.
Днём зелень волн — стекло, к вечеру — аквамарин,
Холод их обжигает, как жидкий лёд.

Когда ранняя ночь
Ляжет на острия круч,
Сразу же выступят звёзды, и лишь рассвет
Слижет их дочиста. Пуст
Небосклон, поднятый осенью в рост...

Заслышав хруст,
Застыв друг от друга в двух шагах,
Двое без отчества — прах! —
Принюхиваются
И ближе подходят. Слух —
Настороже.
Страх —
Как укус осы — жгуч.
Воздух —
Как губы жажды — сух.
Жест —
Как вкус воды — прост.
И все пророчества —
Сбываются,
Едва произносятся вслух.

Медовый месяц

Как пчелиный медовый месяц, сладок...
К. М.

Мы кочевали как ангелы в зарослях таволги,
Нас целовали коварные жаркие осы
И отбивали у нас припасённые яблоки
И принесённые издалека абрикосы.

Дико зудели укусы под розовой кожей,
Мы раздирали их в кровь и блаженно лизали,
И удивлённые, точно чужие наложницы,
Мягкие бабочки тихо вздыхали глазами.

Мы одичали, как две очарованных бестии,
Нас на качелях качали большие деревья,
Но прогорали костры, осыпались созвездья,
Северный ветер ерошил отросшие перья...

* * *

Жучок-водомерка бежит по непрочной воде.
Здесь, кажется, счастье легко достигается вплавь.
Где всё это было? Не знаю. Возможно, нигде.
И с воспоминаньем уже совмещается явь.

Отстать от руки не успело движенье волны,
В глазах не просохли пейзажи: вон там, вдалеке –
И всё-таки рядом, – большие лесные холмы,
Накрытые небом, и их отраженье в реке.

Так ясно видны – что уже нереальны вполне –
И рыжая кошка на дальних мостках на краю,
И полупрозрачные рыбки, и камни на дне...
Где всё это было? Не знаю. Возможно, в раю.

Но плавные блики ещё посылает вода
Свободным деревьям, растущим на том берегу.
Где всё это было? – не знаю. Ни где, ни когда,
Не знаю, мой ангел. И вспомнить уже не могу.

Песня о невозвратном

До свиданья дружочек уже никогда
Ты не сможешь вернуться сюда
Где под солнцем поёт золотая вода
И сгорают короткие дни
Наши души нагие не знали стыда
Друг на друга глядели они

До свиданья дружок ты уже никогда
Не вернёшься сюда
Извини

Даже если ты всё же вернёшься сюда
Своего не отыщешь следа
Это время дружочек оно как вода
Уходя не оставит следа

Облаков золотые гуляют стада
Горизонт обнимает закат
Ты уже никогда
Не вернёшься сюда
Ты не можешь вернуться назад

Где поёт в берега ударяя вода
Пролетают короткие дни
Наши души нагие не знают стыда
И глядят друг на друга они

Кицунэ

* * *

Научись, научись уходить,
Пропадать, как последняя спичка.
Потому что, мой мальчик, грустить —
Это только дурная привычка.

Время вышло, пора, брат, пора!
Убегай от подруги недавней,
Ведь любить — это тоже игра,
Разве только страшней и забавней.

Близок выход и низок порог,
И с тобой ничего не случится.
Весел тот, кто совсем одинок
И печали своей не боится.

Волк

Волк предлагает играть, а на самом деле
Он прячет когти и зубы в чужой постели.
И он говорит: «Ты только скажи *согласна*»,
И может, не волк это вовсе, а принц прекрасный.

А кто там в окне рогатый, чёрт или месяц?
И кто там бежит по пролётам дворцовых лестниц?
И кто там застрял у прядки в высокой башне?..
А может, волк это всё-таки — чёрный, страшный!

Так что нам, подружка, делать? Поверить чуду
И если предложат играть, то ответить *буду*?
И юбкой шуршать прозрачной, и строить глазки,
И к волку в постель сигать, не боясь развязки?..

* * *

Аптекарь-ливень собирает склянки.
Медвежий плюшка мокнет на траве.
Коленки мёрзнут, натирают лямки.
Сосед-алкаш устраивает пьянки
И ходит ко вдове...

Безумная любовная баллада

Меня любили. Но так, как ты, —
Никто меня не любил!
Горели птицы, разинув рты,
И змей по воздуху плыл.

Он плыл. Он был золотым огнём,
И в самом центре огня
Мы вдвоём сидели на нём
И ты обнимал меня.

Ты пел мне и гладил по голове,
Просил меня не грустить,
Сказал, что, если понять нельзя,
Всё же можно простить!

И ты столкнул меня вниз, а сам
Пришпорил дракона — и
Взвился к пылающим небесам,
Как лучшие сны мои.

Оттуда, невидим — в огне, во мгле —
Ты крикнул мне: «Не жалеи!»
И я полетела к земле, к земле,
Делаясь всё тяжелей...

Где догорает закат-страна?
Где спит верховой дракон?
С земли всё, что было, похоже на
Диковинный детский сон.

Отсюда мне тебя не видеть,
Мне тебя не слышать.
И ты не сможешь прийти сюда,
Чтобы меня обнять.

Мне ничего, ничего не жаль,
И память моя ушла,
И под ногами шуршит земля,
Звенит, скрипит и поёт.

Мне нравятся вздохи земной мечты!
А зной золотой и пыл
Почти забыты... Но так, как ты,
Никто меня не любил.

Ховринский цикл

1

Ховрино. Хворино.
Хрюкино-Вракино.
Мракино-Морокино.
Скукино.
Одинокино.

2

Из не заклеенных на зиму окон
Ветер проходит и всё продувает.
Не то чтобы холодно, но одиноко —
Так одиноко, как не бывает.

Нет у меня ничего, кроме крыши
Над головой и пустого кармана.
Слушаю ветер — и музыку слышу:
Пленная флейта, печаль Телеманна.

3

Вдалеке электричка гремит,
Сквозняки пробегают по шторе,
И, зачем неизвестно, горит
Электрический свет в коридоре.

Ну, а та, что сидит у окна,
На отлёте держа сигарету?
Ничего! Слишком ясно видна
Спинка стула сквозь женщину эту.

Так что здесь никого просто нет.
На одной из московских окраин,
Уезжая, не выключил свет
Второпах бестолковый хозяин.

4

Я б закрыла глаза и прикинулась спящей —
Но мне в уши трещит заводной соловей.
Меня ночь заключила в громыхающий ящик,
В несгораемый шкаф электрички своей.

Станционные в окна проходят зарницы,
Загораются луны одна за одной.
И раскрытым глазам ничего не приснится,
И ушей не покинет певец заводной.

5

Холодно. Дует из всех щелей.
Встань-ка да чаю себе налей.
Скушай конфетку. И ни о чём не жалеи.
Нету конфетки? Ну, значит, придётся так.
Славное дело крепкий чай натошак!
Жутко бодрит. Милое дело.
Что говоришь, болит? Ах, вот оно как —
Всё колотится, глупая, и не найдёт никак
Выход из тела.
Переболеется всё — чем ни болей.
Лучше-ка свежего чаю себе налей.
Кончился? Пей кефир.
Бывает, что ждёшь не дождёшься,
А ждать перестанешь — ффр! —
И улетела.

Одинокие песни

1

Ничего не зажму в ладони:
Ни ключа от дома,
Где жила,
Ни руки ребёнка,
Который вырос,
Ни своей души —
Пусть уходит.

2

Все дороги похожи одна на другую.
Все деревья похожи одно на другое.
И все мужчины похожи один на другого.

Но про дорогу не скажешь: она моя.
И про дерево не скажешь: оно моё.
А про мужчину скажешь: он мой —
И он умирает.

3

Говорят между собой деревья:
Солнце — это большое дерево,
Ствол его — из чистого света,
Ветви — сплошное сияние,
А куда уходят его корни —
Этого мы и сами не знаем.

Когда мы умрём — станем птицами,
Полетим на дерево-солнце,
Сядем в раскидистой кроне
И будем петь весёлые песни.

Искушение

Наверно, есть особенная сладость
В том, чтоб вот так однажды взять и бросить
Жену, ребёнка, друга — и уйти.

Вот точно так, как оставляют вещи
В шкафу, съезжая с временной квартиры,
Об их судьбе дальнейшей не заботясь.

Лет через пять мелькнёт смешная мысль:
Что тот пиджак? Ещё, наверно, цел,
А может быть, и нет... И больше

Не вспоминаешь.

Бабка

Дел на сегодня: успеть перебрать булавки,
Кило перловки и секунд-хенд-обновки.
Спросить у внучки, что она отыскала в травке
Возле старой автобусной остановки.

Всё то горе, которое мы избыли,
Не сто́ит забытой в коробке божьей коровки.
А все мужчины, которые нас любили,
Спят на шарике (не больше её головки

С точки зрения Вечности)...

Старые стихи

1

*Через реку ехал грек,
Безымянный имярек.
Неизвестно, что в реке.
Может, чёрт на поводке,
Может, рак, а может, краб.
И за руку грека — цап!
...И всплывают из реки
Только длинные гудки.*

2

*Шла кукушка мимо сети.
А за нею малы дети.
Что такое эта сеть?
Для чего об этом петь?*

Ну-ка, дайте верхний свет!
Ничего такого нет.

Будем строить, будем жить,
Будем родине служить.
Или просто, без затей,
Народим себе детей.

Только плохо, что опять
Уложить их надо спать.

Больше сказок не проси,
Свет неслышно погаси,
Потому что в этот раз
Он дотянется до нас.

*Кукушка скажет «куку-мак» —
Открывай один кулак.*

* * *

Здравствуй сорока-трещотка сверчок-сквознячок
Бледное лето косу забирает в пучок
И подбочась по-хозяйски выходит на двор
И улыбается на-ка тебе помидор

Банки на жерди навешены Баба-Яга
Головы вешала так же а дальше стога
Там за дорогой где поле и облачный взмах
Как простыня для просушки висит в небесах

Детство с печалью и солью едят пополам
Но забывается это и кажется там
Всё как сейчас высоко и светло и легко
Вечное лето соседка несёт молоко

* * *

Дом мой пуст как осенний стручок гороха
Только вечер приходит ко мне на чай
Хоть поседевшим ордам чертополоха
На ночь глядя свидание назначай

Следуй в поле за беглыми мотыльками
За полнолунием чтобы вместе стареть
Знай дотуда вымощен облаками
Путь постарайся под ноги не смотреть

* * *

Это ты там шумишь
Растёшь
Вниз головой
До самых крыш
Небесный камыш
Дождь

Четверг и пятница

Скоро дождик, друзья. А за ним, несомненно, четверг!
Мне обещано твёрдо. Я вижу число и печать.
Я забуду всех тех, кто меня невзлюбил и отверг.
Я намерена новую жизнь беспечально начать.

Я найду чемодан с содержаньем валютных купюр,
Отосплюсь, отогреюсь и, в полном согласье с судьбой,
Повстречаю блондина, оденусь в высокий кутюр,
А на паспорт снимусь нагишом в полный рост, как в «Плейбой».

И ещё я хочу научиться летать на спине
И играть на трубе, и чтоб вечером долгого дня —
Чтобы вечером пятницы птицы слетались ко мне
И весёлые правнуки дружно любили меня.

* * *

Странно видеть, как стареют руки.
Как чужие, спят на животе.
Возникают медленные звуки
На необъяснимой высоте.

Занавеску ветер подымает,
Так что глубже хочется вдохнуть,
И как будто издали сжимает
Кто-то сердце по чуть-чуть.

Быстро приезжает неотложка.
Может быть, ты всё-таки вернись.
С умилением наблюдает кошка
Глупых пташек, севших на карниз.

Оставляю

Оставляю тебя. Оставляю тебе на потом
Светло-серое небо, которому нету конца,
И красивую девушку с ярко покрашенным ртом,
И чужого мальчишку с повадкой большого птенца,

Пыльный запах июля и формочку в виде коня,
И трамвайчик речной, и цветные флажки на ветру.
Я так много тебе оставляю на после меня,
Что, того и гляди, пожалею, назад заберу!

Девять слов о жизни

у заводных кончается
завод
а у живых
болит живот

* * *

В быстром воздухе стрекочет
Стрекозиное крыло,
Удержать напрасно хочет
Уходящее тепло.

Трепеща, круговращает
Золотые веера —
Даром зрителя прельщает
Пестроцветная игра.

Не сможешь ничему ты,
Не поймаешь ничего.
Дольше сказанной минуты
Не продлится волшебство.

Так оно и происходит,
Мой товарищ дорогой,
И любовь твоя уходит,
Точно полдень золотой.

Насекомые

Пока мы с тобою крылами махали,
Пока мы играли над солнечным лугом,
Там люди родились, плодились, пахали,
Роились, потом воевали друг с другом.

Пока мы в беспечном просторе парили,
Те жизнь проклинали, и каялись слёзно,
И строили заново, что разорили.
Закат догорает. Становится поздно.

Они умирают. Их дети стареют.
Жилища и храмы становятся пылью.
А в небе полночном сияют и реют
Твои и мои златоцветные крылья.

* * *

Деревья, как воздушные шары,
Ещё к земле притягивают стропы.
Но вздрагивают смежные миры,
И в лёгких кронах нарастает ропот, –

И – подожди! – ещё один удар –
И скрепы силу прежнюю утратят,
И отодвинется тяжёлый шар,
И воздух бережный тебя подхватит.

Мой обезьян

1

Между двух скал провисший мост.
Край неба деревом очерчен.
Взгляд пристален и недоверчив.
Зато сюжет предельно прост.

Вверху игрушечным шажком
Японцы, судя по причёскам,
Бредут по хлипким этим доскам
И в воздух тычут посошком.

Пройдут и скроются. Меж скал
Мост Обезьян качнётся сонно,
И небо глянет отстранённо
На твой страдальческий оскал.

Ты там один среди теней,
В узорах лиственных зазубрин.
И раз уж ты почти разумен –
Тем одиночество темней,

Мой обезьян! А ночь длинна,
Что вечность ей, что четверть мига...
На какэмоно Хиросигэ
Такая круглая луна!

2

Когда-нибудь мне будет триста лет.
Я править научусь автомобилем
И кораблём – семь футов мне под килем! –
И налегке отправлюсь в кругосвет...

Когда-нибудь мне будет триста лет.
В стеклянном замке возле Ниагары
Я поселюсь, примусь за мемуары
И заведу лонгшез, камин и плед...

Когда-нибудь мне будет триста лет.
Я стану старым мудрым павианом
С собачьей мордой, добрым обезьяном,
Сидящим в клетке над гнилым бананом
И фантиками от конфет...

3

Мне никогда не будет триста лет.

Имя

Каждый сентябрь у меня новое имя.
Эту осень зови-ка меня Кларой.
Словно пар, на дорожках нежный утренний иней.
Мы с тобой, наверно, были красивой парой.

— Ты о чём это, Клара?
— Да о том, что зима скоро.
На твоём лице неподвижная тень укора.
Остывает кровь. Щенок от соседской суки
Не спасает от подступившей скуки.

Назови его Карлом. Будет большой, смелый,
Преданный пёс. Окликнешь его: Карлуша! —
Забьёт хвостом, умильно поднимет уши
И посмотрит так, как я смотреть не умела.

Кицунэ

Не обернётся девушка лисицей
И не сощурит хитренькие глазки.
Ты всё испортил сам, твои страницы
Пусты – они не знают этой сказки.

Зато уж ты и в ночь своей женитьбы
Не обнаружишь брошенную шкурку,
И голая не выпрыгнет невеста
Искать мыша под шаткой половицей.

Не нужно снов, и так отлично спится.
А лёгкая позёмка вьётся-вьётся,
По краю леса быстрая лисица
Уходит – и следа не остаётся.

Содержание

Несколько слов от автора	3
--------------------------------	---

Волчок

Волчок	7
«Ночь за стеной...»	8
Охота	9
Правила	10
Перед сном	11
«Эта плоть обитаема мною...»	12
«Иди куда хочешь!...»	13
«Тут небо, видишь, сразу за сараем...»	14
Песня о воде	15
Орестань	16
Неприсвоенное	17
«Дикой травой зарастает взгорье...»	18
Без оправдания	19
Ригодон	20
Нищастье	22
Снежная королева	23
Зверь	24
Деревья	25
«Никогда нам не вернуться...»	26
«Как будто отработаешь оброк...»	27
Считалочка сомнамбулы	28
Песня о начале	29
«В августе воздух нежней — и земля нежней...»	30

Хигганум

Песня о Хиггануме	33
«Рыбы в небе там и птицы в море...»	34
«А странно от жизни очнуться в зелёном лесу!...»	35
«В час, когда виноградный закат...»	36
«Коровий мык и козье мекеке...»	37

«Древняя земля дика и суха...»	38
«На сухих холмах пасутся козы...»	39
Философия Лисьей бухты	40
Неудавшийся завтрак	42
Стоянка у Двух Дубов	43
Дорога в сумерках	44
Возле камня	45
Киммерийский период	46
Морские камешки	48
Райская осень	49
Медовый месяц	50
«Жучок-водомерка бежит по непрочной воде...»	51
Песня о невозвратном	52

Кицунэ

«Научись, научись уходить...»	55
Волк	56
«Аптекарь-ливень собирает склянки...»	57
Безумная любовная баллада	58
Ховринский цикл	60
Одинокие песни	62
Искушение	64
Бабка	65
Старые стихи	66
«Здравствуй сорока-трещотка...»	68
«Дом мой пуст как осенний стручок гороха...»	69
«Это ты там шумишь...»	70
Четверг и пятница	71
«Странно видеть, как стареют руки...»	72
Оставляю	73
Девять слов о жизни	74
«В быстром воздухе стрекошет...»	75
Насекомые	76
«Деревья, как воздушные шары...»	77
Мой обезьян	78
Имя	80
Кицунэ	81

Ольга Сульчинская. Волчок.

редактор:

А. Переверзин

дизайн:

С. Труханов

вёрстка:

В. Фёдоров

корректор:

О. Тузова

В оформлении обложки использована картина Фрэнсиса Александра «Ральф Уилок на ферме». Автор фото на последней странице — Глеб Кордовский.

издательство **«Воймега»**

voymega@yandex.ru

alkonost.mail@gmail.com

Бумага офсетная.

Печать офсетная.

Формат 60x90 ¹/₁₆

Тираж 500 экз.

Ольга Сульчинская родилась и живёт в Москве. Окончила филологический факультет МГУ и Высшую школу гуманитарной психотерапии. Стихи публиковались в журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь». Автор книг «Amor Brevis» (2007) и «Апрельский ангел» (2011).